
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:001.8

С. С. Поликарпов

Научная репрезентативность концепта «картина мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ

В статье представлены результаты изучения концепта «картина мира» и его применения в антропологических исследованиях. На основании работ отечественных и зарубежных ученых (историков, культурологов, антропологов и психологов), занимающихся исследованием относительно гомогенных социокультурных обществ с мифологическим типом мышления, характеризуются главные проблемы концепта «картина мира» – его дефиниция, содержание, структура, а также соотношение индивидуальных и коллективных начал в создании исторически обусловленной «картины мира». Выявлено, что данный концепт интерпретируется исследователями древних и раннесредневековых культур как совокупность всех представлений о природе и социуме. Его содержание составляет комплекс категорий человеческого сознания, классифицируемый двумя группами представлений – онтологическими и социальными. Структуру концепта определяют два плана бытия – неотрефлексированный глубинный (бессознательный, интуитивно-чувственный) и осознаваемый (рационально-логический). Особое внимание уделяется проблеме соотношения коллективных и индивидуальных начал в создании «картины мира». Высказывается точка зрения о том, что «картина мира» человека древних и раннесредневековых обществ формировалась коллективными представлениями о природном и социальном универсуме, хотя и не исключала влияния индивидуальных рефлексий выдающихся личностей.

Ключевые слова: «картина мира», Древний мир, Раннее Средневековье, дефиниция, содержание, структура, коллектив, индивидуальность.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

S. S. Polikarpov

Scientific Representativeness of the Concept «World Picture» in the Context of Researches of Ancient and Early Medieval Societies

Results of studying the concept «world picture» and its use in anthropological researches are presented in the article. On the basis of works of Russian and foreign scientists (historians, culturologists, anthropologists and psychologists), researching rather homogeneous sociocultural societies with a mythological type of thinking, the main problems of the concept «world picture» are characterized – its definition, contents, structure and also a ratio of the individual and collective beginnings in creation of historically caused «world picture». It is revealed that this concept is interpreted by researchers of ancient and early medieval cultures as a set of all ideas of the nature and society. Its content is a complex of categories of human consciousness classified by two groups of representations – ontologic and social. The structure of the concept is defined by two plans of life – nonreflected deep (unconscious, intuitive and sensual) and apprehended (rational and logical). Special attention is paid to the problem of a ratio of the collective and individual beginnings in creation of «the world picture». The point of view that «the world picture» of the person of ancient and early medieval societies was formed by collective ideas of the natural and social universum is given, though it did not exclude influence of individual reflections of outstanding persons.

Keywords: «world picture», Ancient world, Early Middle Ages, definition, contents, structure, collective, identity.

Древний мир и Раннее Средневековье – принятые в историографии понятия, которые характеризуют специфические особенности развития целого комплекса доиндустриальных цивилизаций, существовавших в различных регионах Земли (Ближний Восток, Центральная, Южная и Восточная Азия,

Европа) с IV тысячелетия до н. э. до X в. н. э. [5, с. 6].

Установлено, что народы древних и раннесредневековых обществ обладали сложной, отличной от современной, системой осмысления окружающей действительности, в которой тесно переплетались между собой разнообразные гносеологические под-

ходы, аксиологические ориентиры, праксиологические операции [4, с. 18, 10, с. 10]. В то же время, очевидно, что для адекватного познания всего многообразия проявлений духовного мира человека Древнего мира и Раннего Средневековья необходимо использовать специальный научный инструментарий, который позволит изучить представления древних и раннесредневековых обществ с точки зрения их внутреннего содержания. В связи с этим особую значимость приобретает концепт «картина мира», который с 30-х гг. XX в. используется учеными социально-гуманитарного цикла для характеристики всех способов восприятия, переживания и воспроизведения окружающего мира [23, с. 148, 27].

Осмысление научной репрезентативности концепта «картина мира» в контексте культурно-исторического развития древних и раннесредневековых обществ характеризуется фрагментарностью. В работах Е. Е. Базаровой [2], Е. Е. Дьяченко [13], А. В. Костиной [19], О. В. Первушиной [23], А. Д. Хуторянской [27] изучаются главным образом мнения ученых о системе мировосприятия человека XXI в. Сведения о «картине мира» носителей доиндустриальных культур воспроизводятся опосредованно: через характеристику глубинных, архетипических оснований современных взглядов общества на существующую действительность. Тем не менее названные авторы, опираясь на труды отечественных и зарубежных специалистов в области изучения народов с мифологическим типом мышления, отмечают, что содержание «картины мира» древних и раннесредневековых обществ составлял спектр категорий человеческого сознания, и прежде всего, пространство, время, человек, общество, эмоции, чувства и так далее [2, 19, 27]. Структуру этого концепта представляли два уровня осмысления действительности – бессознательный и осознаваемый [13, с. 40, 23, с. 150].

Говоря о росте интереса к мировосприятию человека ранних культурно-исторических обществ, нельзя не отметить того факта, что среди ученых, затрагивающих в своих исследованиях проблему дискурсивных аспектов «картины мира» носителей доиндустриальных цивилизаций, наблюдаются расхождения в определении этого концепта [19, 23, 26], заметны разночтения в классификации его содержательных компонентов [2, 19, 27]. Кроме того, нередко игнорируется специфическое соотношение коллективных и индивидуальных начал в создании «картины мира».

Относительно слабая разработанность проблемы научной репрезентативности концепта «картина мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ привела к тому, что в современном социально-гуманитарном знании появилось мнение о том, что сама «картина мира» является научной метафорой, «реалистичность которой

[...] ограничена [...] сохранившимися текстами, преимущественно элитарной, религиозной и [...] хозяйственной субкультур» [26, с. 211]. Однако мы считаем, что данная научная категория должна и может быть актуализирована в рамках изучения духовного мира человека доиндустриальных обществ. Но для этого необходимо увязать «картину мира» с теми идеями и подходами, которые сформировали ее. Поэтому целью данной работы является изучение научной репрезентативности концепта «картина мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ.

Для реализации поставленной цели необходимо обратиться к трудам ведущих отечественных и зарубежных историков культуры и квалифицировать главные компоненты концепта «картина мира» применительно к человеку Древнего мира и Раннего Средневековья, а именно: уточнить его дефиницию, содержание, структуру, выяснить соотношение коллективных и индивидуальных начал в создании «картины мира».

Первоначально необходимо охарактеризовать дискурсивные аспекты дефиниции «картины мира» носителей древних и раннесредневековых культур.

Если проанализировать зарубежную традицию изучения данной теоретической проблемы, то стоит признать, что ученые, которые делали предметом своих научных изысканий духовный мир человека доиндустриальных обществ (Ф. Гюиз [11], В. Елисефф [15], Д. Елисефф [15], Ф. Леру [20], Ж. Сустель [25] и др.), не обращали на категорию «картина мира» должного внимания, используя в своих работах четко не дифференцированное понятие ментальности, под которой понимали совокупность интуитивных манер мышления, служащих для организации повседневной действительности [9, с. 364]. Поэтому сведения о дефиниции «картины мира» мы можем обнаружить только в работах американских антропологов К. Гирца и Р. Редфильда, которые, опираясь на материалы исследования реликтовых народов, квалифицировали «картину мира» как перечень наиболее общих идей данного народа об устройстве мироздания [6, с. 149, 29, р. 101].

Подобная интерпретация «картины мира» обладала важным достоинством (в сравнении с идеей ментальности): К. Гирц и Р. Редфильд показали, что в основе *imago mundi* лежат не только интуитивные движения человеческой души, но и рационально обоснованные представления о мире. Однако категория «мир» ограничивалась исключительно комплексом абстрактных представлений о структуре и организации бытия. Все то, что лежит в основе отношения народа к самому себе, своей истории, своему социуму, характеру и стилю жизни, особенностям этических и эстетических представлений, специфике аксиологических и гносеологических

ориентаций, было исключено из антропологической дефиниции «картины мира», предложенной американскими учеными.

На наш взгляд, наиболее полное определение всей системы мировосприятия древних и ранне-средневековых обществ предложил отечественный историк А. Я. Гуревич, который, изучив духовный мир обитателей «варварской» Европы, пришел к выводу о том, что под «картиной мира» носителей доиндустриальных культур следует понимать всю совокупность представлений о природном и социальном универсуме [8, с. 154]. В данном определении «картина мира» выступает самостоятельным, целостным феноменом человеческой психики, так называемым «вторым миром», построенным народами древних и раннесредневековых обществ для себя и поставленным ими между собой и реально существующей действительностью. Этот «второй мир» отражает природные особенности бытования, общественную практику, психический склад данного народа, но вместе с тем он представляет собой и систему ориентиров, которая детерминирует поведение индивидов и групп [10, с. 17]¹.

Данная трактовка «картины мира» была апробирована в работах А. Ф. Альбедиль (на примере Древней Индии) [1], Е. Ю. Ваниной (в контексте изучения духовных аспектов «картины мира» человека Средневековой Индии) [3], И. П. Вейнберга (в рамках исследования мировоззрения народов Древнего Ближнего Востока) [4] и другими [16, 17, 24]. Ученые полностью поддержали определение, данное А. Я. Гуревичем, однако дополнили его одним аспектом: в основе древней и раннесредневековой «картины мира» лежала определенная мыслительная константа, через которую организовывался, структурировался и квалифицировался окружающий мир, – миф.

С проблемой дефиниции тесно связан вопрос содержания «картины мира» в проекции истории и культуры древних и раннесредневековых обществ. Он получает широкий спектр интерпретаций как в среде зарубежных исследователей доиндустриальных цивилизаций (Ф. Гюиз [11], В. Елисеефф [15], Д. Елисеефф [15], Ф. Леру [20], Ж. Сустель [25] и др.), так и в контексте отечественного историко-культурного дискурса, посвященного духовному миру человека с мифологическим типом мышления (Е. Ю. Ванина [3], И. П. Вейнберг [4], А. Я. Гуревич [10], В. Б. Иорданский [16], Г. С. Кнабе [17], А. В. Подосинов [24] и др.).

Анализ исследований показывает, что ученые наполняли содержание «картины мира» носителей древних и раннесредневековых культур комплексом разнообразных категорий человеческого сознания – от пространства и времени до этики и эстетики. Однако мы, следуя за А. Я. Гуревичем, который выделял в «картине мира» «традиционных» об-

ществ представления о природном и социальном универсуме, предлагаем разделить все содержание этого понятия на две группы. В первую группу – онтологические категории – входят представления о всеобъемлющих, универсальных, архетипических понятиях и атрибутах окружающего мира. Это – время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому [10, с. 15]. Вторую группу – социальные категории – составляют представления, которые характеризуют человека, общество, характер жизни людей, их деятельности: «Осмысление отношения мира земного к миру потустороннему и мира человеческого к миру природы, оценка рождения и смерти, разных возрастов человеческой жизни, место, которое занимают в обществе женщина и ребенок, роль семьи, понимание личности, интерпретация истории, права собственности, богатства, бедности, труда, нравственные нормы, сексуальная жизнь» [8, с. 155].

Эти категории одновременно и изменчивы, и стабильны: они изменяются во времени, варьируются в разных группах и слоях общества, но вместе с тем обнаруживают постоянство². С одной стороны, «в различных общественных структурах, – писал А. Я. Гуревич о развитых культурно-исторических общностях, – мы найдем весьма не похожее одна на другую категории времени или свободы, столкнемся с неодинаковым отношением к труду и пониманием права, с различными восприятиями пространства и толкованием причинности» [10, с. 17]. С другой стороны, «сколь бы различными ни были идеология и убеждения [...] индивидов и групп, в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем» [10, с. 18].

Вместе с тем следует отметить, что последователи А. Я. Гуревича – в частности, А. В. Подосинов – считали, что онтологические и социальные категории определенным образом иерархизируются: одни занимают ведущие место в представлениях об окружающем мире, другие выходят на первый план в разнообразных социальных стратегиях и общественных практиках [24, с. 524]. Однако, при всей сложности и динамизме культурно-исторических связей, в основе всякой «картины мира» лежат представления о пространственно-временном универсуме [24, с. 99]. Действительно, если мы обращаем внимание на культы, ритуалы, обряды, межличностные отношения, личностное развитие носителей доиндустриальных культур, то признаем, что именно рефлексия спатильных параметров существования человека («переднее» и «заднее», «правое» и «левое», «близкое» и «даль-

нее», «низкое» и «высокое») определяла специфику развития тех или иных областей человеческой жизнедеятельности [24, с. 151]. Если мы беремся исследовать специфику мироощущения и ритм жизни «традиционных» народов, то, прежде всего, констатируем, что длительность человеческого существования, согласованная с природно-ландшафтными особенностями наличной действительности (движение Солнца, климатические циклы, суточная динамика), детерминировала темпоральные ориентиры народов Древнего мира и Раннего Средневековья [4, с. 60]³.

Специфика содержания «картины мира» древних и раннесредневековых обществ детерминирует двухчастную структуру этого понятия. Она получает обоснование в отечественных культурологических и этнологических исследованиях (Г. В. Драч [12], С. В. Лурье [21], О. В. Первушина [23], А. Я. Флиер [26]), которые опирались, в том числе, и на материалы изучения духовного мира человека доиндустриальной эпохи.

Ученые констатируют, что в структуре «картины мира» носителей древних и раннесредневековых культур органично сочетались два плана бытия – глубинный, бессознательный, в котором преобладали первичные интуиции, национальные архетипы, эмоционально окрашенные онтологические ориентиры [26, с. 210], и осознаваемый, где имели место рационально-целесообразные способы человеческой жизнедеятельности, аналитически обоснованные представления о мире и месте человека в нем [23, с. 150].

Первый план «картины мира» не подлежит разумному и логическому истолкованию и объяснению, он осмыслялся частично и фрагментарно. Люди Древнего мира и Раннего Средневековья пользовались этими глубинными ориентирами и первичными интуициями, не вдумываясь в них и не замечая их присутствия, «наподобие мольеровского господина Журдена, который говорил прозой, не догадываясь об ее существовании» [9, с. 155]. Это – бессознательные образы бытия, которые, тем не менее, обуславливали действия человека в мире, специфику его поведения [21, с. 224]. Непредставимые сами по себе, они проявлялись в сознании носителей древних и раннесредневековых культур следствиями самих себя. Они выражались через фольклор, литературу, поступки людей – все знакомые системы, которые использовались в данном обществе, то есть через тип мышления, традиции, обычаи, ритуалы и другие формы бытового и религиозного поведения [9, с. 155]⁴.

Второй план «картины мира» носителей древних и раннесредневековых культур – осознаваемый, рационально-логический – характеризует ценностные доминанты данного общества, то есть смыслы, значения, отношения, рефлексии [23, с. 152]. По-

средством этих ориентиров человек Древнего мира и Раннего Средневековья добивался того, что значимые компоненты окружающего мира, нередко слабо дифференцированные, трансформировались в самостоятельные аксиологически детерминированные объекты.

Ключевой проблемой «картины мира» носителей доиндустриальных культур следует считать проблему соотношения коллективных и индивидуальных параметров в ее создании, так как именно она раскрывает сущность и специфику мировосприятия народов Древнего мира и Раннего Средневековья.

В современной отечественной историографии данный вопрос является предметом острых дискуссий. В частности, А. В. Подосинов отстаивает точку зрения о том, что вся совокупность представлений о природном и социальном универсуме была результатом индивидуальной, субъективно-личностной рефлексии окружающего мира. В результате изучения самого себя, осмысления продуктов собственной активности и постижения основ мироздания человек пришел к пониманию своей психофизиологической дуальности и четырехчастности окружающего его пространства, что и заложило фундаментальные основы «картины мира» [24, с. 472–479]. Иной взгляд на проблему соотношения коллективных и индивидуальных параметров в создании упорядоченной *imago mundi* предлагает В. В. Евсюков, который отмечает, что система мировосприятия носителей доиндустриальных культур была опосредована социальной рефлексией. Именно она «составляла сущность, сердцевину космоса и моделировала его» [14, с. 69], именно она анализировала, классифицировала, систематизировала и оценивала все предметы, события, явления и процессы окружающего мира, что – как следствие – вело к созданию упорядоченной и целостной «картины мира» [14, с. 67–68].

На наш взгляд, для решения обозначенной проблемы вовсе не следует занимать крайних позиций. Следуя за И. П. Вейнбергом [4], А. Я. Гуревичем [10], Г. С. Кнабе [17], И. С. Коном [18], мы считаем, что в создании «картины мира» человека древних и раннесредневековых обществ преобладали социальные установки, которые, однако, вовсе не исключали влияния индивидуальных рефлексий.

Действительно, для человека Древнего мира и «варварской» Европы (до создания религий индивидуально-духовного спасения) была характерна абсолютная интегрированность, включенность индивида в коллектив [4, с. 93]. Он был нераздельно связан с данной ему человеческой общностью и ее составными частями – социальными группами: семейно-родовыми, возрастными, локальными, профессиональными, сословными [4, с. 104]. В этой неременной и абсолютной связи человек выступал

«не как автономный член [коллектива. – С. П.], а как частица органического целого, немислимая отдельно от него» [18, с. 125]. Поэтому все представления о структуре мироздания, системе ценностных ориентиров, характере жизнедеятельности, стиле жизни, моделях поведения формировались коллективным сознанием⁵. При этом данный процесс конституирования «картины мира» вовсе не представлял собой передачу строгих предписаний в отношении определенного образа мысли, способа понимания окружающей действительности. Речь шла «о неосознанном навязывании обществом и столь же неосознанном восприятии, “впитывании” этих категорий и представлений членами общества» [10, с. 16].

Вместе с тем одновременная принадлежность человека Древнего мира и Раннего Средневековья к различным социальным группам интенсифицировала деятельность самосознания, стимулировала процесс индивидуализации [4, с. 108, 18, с. 132, 24, с. 20]. Носители доиндустриальных культур нередко выделялись «из своего сообщества, из “мы” не столько своими физическими данными, не столько своими эмоциями, страстями, пороками и прочим, а главным образом своими помыслами, словами, действиями, то есть своим интеллектом» [4, с. 103]. Однако эти зачатки антропоцентризма, крепнущего понимания собственного «я», многогранности связей личности с другими общественными структурами зачастую относились к выдающимся мифологическим персонажам и представителям царской власти [4, с. 105]. Индивидуальное, субъективное «я» «безмолвствующего большинства» не имело определяющего, самодовлеющего значения и ценности.

Таким образом, традиция научной репрезентативности «картины мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ позволяет сформулировать комплексное определение данного концепта. «Картина мира» носителей доиндустриальных культур – это совокупность исторически обусловленных представлений о природном и социальном универсуме. Ее содержание составляет широкий спектр категорий человеческого сознания, который подразделяется на две группы представлений – онтологические (восприятие пространства, времени, причины, изменения, судьбы, числа, отношения частей к целому, отношения чувственного к сверхчувственному) и социальные (ощущение связанности земного и потустороннего, природного и человеческого; оценка жизни, смерти, возраста, гендерной принадлежности, социальной группы, общественной структуры, права, власти, истории, труда, материального положения, семейно-сексуальной жизни), среди которых главное место занимают спатально-темпоральные ориентиры. Они детерминируют структуру «картины мира»

человека Древнего мира и Раннего Средневековья, в которой активно проявляются два плана бытия – глубинный, бессознательный и рационально-логический, осознаваемый. Эта система мировосприятия формировалась под воздействием коллектива, но и не исключала в полной мере индивидуального, личностного, субъективного влияния.

Библиографический список

1. Альбедиль, М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда [Текст] / М. Ф. Альбедиль. – СПб. : Наука, 1991. – 178 с.
2. Базарова, Е. В. Понятие картины мира в историко-культурных и психологических исследованиях [Электронный ресурс] / Е. В. Базарова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartiny-mira-v-istoriko-kulturologicheskikh-psihologicheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 24.01.2016)
3. Ванина, Е. Ю. Средневековое мышление: индийский вариант [Текст] / Е. Ю. Ванина. – М. : Восточная литература, 2007. – 375 с.
4. Вейнберг, И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока [Текст] / И. П. Вейнберг. – М. : Наука, 1986. – 208 с.
5. Всемирная история [Текст] : в 6 т. – Т. 1. / гл. ред. О. А. Чубарьян и др. – М. : Наука, 2011. – 260 с.
6. Гирц, К. Интерпретация культуры [Текст] / К. Гирц. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
7. Гринцер, П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология [Текст] / П. А. Гринцер. – М. : Наука, 1974. – 422 с.
8. Гуревич, А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики [Текст] / А. Я. Гуревич // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. – М., 1986. – С. 153–167.
9. Гуревич, А. Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции [Текст] / А. Я. Гуревич // Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М. : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 352–372.
10. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
11. Гюиз, Ф. Древняя Персия [Текст] / Ф. Гюиз. – М. : Вече, 2007. – 352 с.
12. Драч, Г. В. Культурология [Текст] / Г. В. Драч. – М. : Альфа-М., 2000. – 432 с.
13. Дьяченко, Е. Е. Картина мира: социально-психологический аспект [Текст] / Е. Е. Дьяченко // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2. – С. 35–46.
14. Евсюков, В. В. Мифы о Вселенной [Текст] / В. В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. – 176 с.
15. Елисеефф, В., Елисеефф, Д. Японская цивилизация [Текст] / В. Елисеефф, Д. Елисеефф. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 528 с.
16. Иорданский, В. Б. Хаос и гармония [Текст] / В. Б. Иорданский. – М. : Наука, 1982. – 343 с.

17. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и исторического время [Текст] / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима : в 2 т. – Т. 2 / под ред. Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1985. – С. 167–258.
18. Кон, И. С. Открытие «я» [Текст] / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
19. Костина, А. В. Новый вектор исследования картины мира в области культурологического знания [Электронный ресурс] / А. В. Костина. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vektor-issledovaniya-kartiny-mira-v-oblasti-kulturologicheskogo-znaniya> (дата обращения 24.01.2016).
20. Леру, Ф. Друиды [Текст] / Ф. Леру. – СПб. : Евразия, 2003. – 283 с.
21. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст] / С. В. Лурье. – М. : Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
22. Невелева, С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон) [Текст] / С. Л. Невелева. – М. : Наука, 1975. – 118 с.
23. Первушина, О. В. Концепт «картины мира» в системе культурологии и социально-гуманитарных наук [Текст] / О. В. Первушина // Мир науки, образования, культуры. – Горно-Алтайск : Горно-алтайский государственный университет, 2008. – № 5. – С. 148–153.
24. Подосинов, А. В. Ех oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А. В. Подосинов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 718 с.
25. Сустьель, Ж. Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания [Текст] / Ж. Сустьель. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 320 с.
26. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов [Текст] / А. Я. Флиер. – М. : Академический проект, 2000. – 496 с.
27. Хуторянская, А. Д. Картина мира в гуманитарной науке [Электронный ресурс] / А. Д. Хуторянская. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-v-gumanitarnoj-nauke> (дата обращения: 29.12.2015).
28. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. – М. : МГУ, 1994. – 144 с.
29. Redfield, R. The Little Conamunity. View points for the Study of a Human Whole [Текст] / R. Redfield. – Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1955. – 131 p.
30. Winternitz M. Geschichte der indischen Litteratur [Текст] / M. Winternitz. – Leipzig : C. F. Amelangs Verlag, 1909. – 505 S.
31. Jacobi H. Das Ramayana. Geschichte und Inhalt [Текст] / H. Jacobi. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 605 S.
- Bibliograficheskij spisok**
1. Al'bedil', M. F. Zabytaja civilizacija v doline Inda [Текст] / M. F. Al'bedil'. – СПб. : Nauka, 1991. – 178 s.
2. Bazarova, E. V. Ponjatje kartiny mira v istoriko-kul'turnyh i psihologicheskix issledovanijah [Jelektronnyj resurs] / E. V. Bazarova. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatje-kartiny-mira-v-istoriko-kulturologicheskix-psihologicheskix-issledovanijah> (data obrashhenija: 24.01.2016)
3. Vanina, E. Ju. Srednevekovoe myshlenie: indijskij variant [Текст] / E. Ju. Vanina. – М. : Vostochnaja literatura, 2007. – 375 s.
4. Vejnberg, I. P. Chelovek v kul'ture Drevnego Bližnego Vostoka [Текст] / I. P. Vejnberg. – М. : Nauka, 1986. – 208 s.
5. Vsemirnaja istorija [Текст] : в 6 т. – Т. 1. / gl. red. O. A. Chubar'jan i dr. – М. : Nauka, 2011. – 260 s.
6. Girc, K. Interpretacija kul'tura [Текст] / K. Girc. – М. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. – 560 s.
7. Grincer, P. A. Drevneindijskij jepos. Genezis i tipologija [Текст] / P. A. Grincer. – М. : Nauka, 1974. – 422 s.
8. Gurevich, A. Ja. Voprosy kul'tury v izuchenii istoričeskoj pojetiki [Текст] / A. Ja. Gurevich // Istoričeskaja pojetika: itogi i perspektivny izuchenija. – М., 1986. – S. 153–167.
9. Gurevich, A. Ja. Zhak Le Goff i «Novaja istoričeskaja nauka» vo Francii [Текст] / A. Ja. Gurevich // Le Goff Zh. Civilizacija Srednevekovogo Zapada. – М. : Izdatel'skaja gruppa Progress, Progress-Akademija, 1992. – S. 352–372.
10. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Текст] / A. Ja. Gurevich. – М. : Iskusstvo, 1972. – 318 s.
11. Gjuiz, F. Drevnjaja Persija [Текст] / F. Gjuiz. – М. : Veche, 2007. – 352 s.
12. Drach, G. V. Kul'turologija [Текст] / G. V. Drach. – М. : Al'fa-M., 2000. – 432 s.
13. D'jachenko, E. E. Kartina mira: social'no-psihologičeskij aspekt [Текст] / E. E. D'jachenko // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 2. – S. 35–46.
14. Evsjukov, V. V. Mify o Vselennoj [Текст] / V. V. Evsjukov. – Novosibirsk : Nauka, 1988. – 176 s.
15. Eliseeff, V., Eliseeff, D. Japonskaja civilizacija [Текст] / V. Eliseeff, D. Eliseeff. – Ekaterinburg : U-Faktorija, 2006. – 528 s.
16. Iordanskij, V. B. Haos i garmonija [Текст] / V. B. Iordanskij. – М. : Nauka, 1982. – 343 s.
17. Knabe, G. S. Istoricheskoe prostranstvo i istoričeskogo vremja [Текст] / G. S. Knabe // Kul'tura Drevnego Rima : в 2 т. – Т. 2 / pod red. E. M. Shtaerman. – М. : Nauka, 1985. – S. 167–258.
18. Kon, I. S. Otkrytie «ja» [Текст] / I. S. Kon. – М. : Politizdat, 1978. – 367 s.
19. Kostina, A. V. Novyj vektor issledovaniya kartiny mira v oblasti kul'turologičeskogo znaniya [Jelektronnyj resurs] / A. V. Kostina. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vektor-issledovaniya-kartiny-mira-v-oblasti-kulturologicheskogo-znaniya> (data obrashhenija 24.01.2016).
20. Leru, F. Druidy [Текст] / F. Leru. – СПб. : Евразия, 2003. – 283 s.

21. Lur'e, S. V. Istoricheskaja jetnologija [Tekst] / S. V. Lur'e. – M. : Akademicheskij proekt: Gaudeamus, 2004. – 624 s.
22. Neveleva, S. L. Mifologija drevneindijskogo jeposa (panteon) [Tekst] / S. L. Neveleva. – M. : Nauka, 1975. – 118 s.
23. Pervushina, O. V. Koncept «kartiny mira» v sisteme kul'turologii i social'no-gumanitarnyh nauk [Tekst] / O. V. Pervushina // Mir nauki, obrazovanija, kul'tury. – Gorno-Altajsk : Gorno-altajskij gosudarstvennyj universitet, 2008. – № 5. – S. 148–153.
24. Podosinov, A. V. Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii [Tekst] / A. V. Podosinov. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 718 s.
25. Sustel', Zh. Povsednevnaja zhizn' actekov nakanune ispanskogo zavoevanija [Tekst] / Zh. Sustel'. – M. : Molodaja gvardija, 2007. – 320 s.
26. Flier, A. Ja. Kul'turologija dlja kul'turologov [Tekst] / A. Ja. Flier. – M. : Akademicheskij proekt, 2000. – 496 s.
27. Hutorjanskaja, A. D. Kartina mira v gumanitarnoj nauke [Jelektronnyj resurs] / A. D. Hutorjanskaja. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-v-gumanitarnoy-nauke> (data obrashhenija: 29.12.2015).
28. Jeliade, M. Svjashhenoe i mirskoe [Tekst] / M. Jeliade. – M. : MGU, 1994. – 144 s.
29. Redfield, R. The Little Conamunity. View points for the Study of a Human Whole [Tekst] / R. Redfield. – Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1955. – 131 p.
30. Winternitz M. Geschichte der indischen Litteratur [Tekst] / M. Winternitz. – Leipzig : C. F. Amelangs Verlag, 1909. – 505 s.
31. Jacobi H. Das Ramayana. Geschichte und Inhalt [Tekst] / H. Jacobi. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 605 s.
8. Gurevich A. Ya. Questions of culture in studying of historical poetics // Historical poetics: results and perspectives of study. – M., 1986. – P. 153–167.
9. Gurevich A. Ya. Jacques Le Goff and «New historical science» in France // Le Goff Ge. Civilization of the Medieval West. – M. : Publishing Group Progress, Progress-Akademiya, 1992. – P. 352–372.
10. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. – M. : Iskusstvo, 1972. – 318 p.
11. Gyuz T. Ancient Persia. – M. : Veche, 2007. – 352 p.
12. Drach G. V. Culturology. – M. : Alpha M., 2000. – 432 p.
13. Dyachenko E. E. Picture of the world: social and psychological aspect // New literary review. – 2004. – № 2. – P. 35–46.
14. Evsyukov V. V. Myths about the Universe. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 176 p.
15. Eliseeff V., Eliseeff D. Japanese civilization. – Ekaterinburg : U-Factoriya, 2006. – 528 p.
16. Iordansky V. B. Haos and harmony. – M. : Nauka, 1982. – 343 p.
17. Knabe G. S. Historical space and historical time // Culture of Ancient Rome: in 2 v. – V. 2 / under the editorship of E. M. Shtayerman. – M. : Nauka, 1985. – P. 167–258.
18. Kon I. S. Opening «Self». – M. : Politizdat, 1978. – 367 p.
19. Kostina A. V. A new vector of a research of a picture of the world in the field of culturological knowledge [An electronic resource]. – Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vektor-issledovaniya-kartiny-mira-v-oblasti-kulturologicheskogo-znaniya> (date of the address 24.01.2016).
20. Leru T. Druids. – SPb. : Evraziya, 2003. – 283 p.
21. Lurye S. V. Historical ethnology – M. : Academic project: Gaudeamus, 2004. – 624 p.
22. Neveleva S. L. Miphology of the Old Indian epos (pantheon). – M. : Nauka, 1975. – 118 p.
23. Pervushina O. V. Concept of «a world picture» in the system of cultural science and the social humanities //the World of science, education, culture. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk state university, 2008. – № 5. – P. 148–153.
24. Podosinov A. V. Ex oriente lux! Orientation over the countries of light in the archaic cultures of Eurasia. – M. : Yazyki russkoj kultury, 1999. – 718 p.
25. Sustel' Zh. Everyday life of Aztecs on the eve of the Spanish conquest. – M. : Molodaya Gvardiya, 2007. – 320 p.
26. Flier A. Ya. Culturology for culturologists. – M. : Akademicheskij Proekt, 2000. – 496 p.
27. Khutoryanskaya A. D. Picture of the world in humanitarian science [An electronic resource]. – Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-v-gumanitarnoy-nauke> (date of the address: 29.12.2015).

Reference List

1. Albedil M. F. The forgotten civilization in the valley of Indus. – SPb. : Nauka, 1991. – 178 p.
2. Bazarova E. V. Concept of the world picture in historical-cultural and psychological researches [An electronic resource] / E. V. Bazarova. – Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartiny-mira-v-istoriko-kulturologicheskikh-psiologicheskikh-issledovaniyah> (date of the address: 24.01.2016)
3. Vanina E. Yu. Medieval thinking: Indian option. – M. : Vostochnaya Literatura, 2007. – 375 p.
4. Veinberg I. P. Man in the culture of the Ancient Middle East. – M. : Nauka, 1986. – 208 p.
5. World history: in 6 v. – V. 1. / editor-in-chief O. A. Chubaryan, etc. – M. : Nauka, 2011. – 260 p.
6. Girts K. Interpretation culture. – M. : Russkaya politicheskaya entsyklopediya (ROSSPEN), 2004. – 560 p.
7. Grintser P. A. Old Indian epos. Genesis and typology. – M. : Nauka, 1974. – 422 p.

28. Eliade M. *sacred and secular*. – М.: MSU, 1994. – 144 p.

29. Redfield R. *The Little Conamunity. View points for the Study of a Human Whole*. – Chicago, Illinois : University of Chicago Press, 1955. – 131 p.

30. Winternitz M. *Geschichte der indischen Litteratur*. – Leipzig : C. F. Amelangs Verlag, 1909. – 505 p.

31. Jacobi H. *Das Ramayana. Geschichte und Inhalt*. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 605 p.

¹ В работах А. Я. Гуревича можно найти другое определение «картины мира»: «“Модель мира” [синоним «картины мира»] – достаточно устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности в течение длительного периода» [10, с. 20]. Это определение показывает, что «картина мира» представляет собой не только социально-психологическую систему ориентиров, но и объективный культурно-исторический феномен, в основе которого лежат характерные для всех народов данной эпохи способы рефлексии окружающей действительности. Это демонстрирует целостность, единство и нерасчлененность «картины мира» человека Древнего мира и Раннего Средневековья.

² Статичность и динамизм содержательных компонентов «картины мира» демонстрируется отечественной ученой М. Ф. Альбедиль. В работе «Забытая цивилизация в долине Инда» исследовательница указывает на то, что темпоральные представления протоиндийцев характеризовались качественно неоднородной многослойностью, обусловленной социальной организацией общества. Так, в Индской цивилизации существовало три формы времени – сельскохозяйственное (крестьянское), религиозное (жреческое) и государственное (царское). Однако структура этих темпоральных потоков подчинялась господствующему в протоиндийском обществе цикличному пониманию времени [1, с. 160].

³ Возьмем в качестве примера «картину мира» древних индийцев. Исследование поэм «Рамаяна» и «Махабхарата» показывает, что ценностные ориентации носителей древнеиндийской культуры во многом определялись рефлексиями спатального характера. В частности, северная сторона света, которая на санскрите обозначалась словом *uttara*, также может переводиться как «наивысший», а

южная сторона света, *dakṣina*, – как «правый». Что касается темпоральных ориентиров «картины мира» древних индийцев, то национальный эпос Индии показывает особую значимость в санскритском языке слова *sakra*, которое одновременно обозначало «круг», «колесо» и «время». В этом конкретном понятии, выражавшем круговорот временного потока, мы склонны наблюдать осмысление и переживание перманентного чередования климатических сезонов, суточных ритмов и физиологических циркуляций человека.

⁴ Несмотря на то, что большинство исследователей, упоминаемых в данной статье, поддерживают идею двухчастной структуры «картины мира», в которой проявляются как бессознательные интенции, так и осознаваемые паттерны, мы вынуждены отметить, что проблема манифестации бессознательных образов в *imago mundi* «традиционных» обществ является сложной научной проблемой. Действительно, материалы исследований духовного мира народов Древнего Ближнего Востока показывают, что для людей с мифологическим типом мышления были характерны архетипы матери и отца, божественного ребенка и тени [1, с. 181], однако подобного нельзя сказать о носителях древнеиндийской культуры – они будто бы выпали из поля зрения ученых. Лишь в работах М. Элиаде [28] даются ориентировочные сведения об архетипических основаниях древнеиндийской «картины мира», которые, к сожалению, не развиваются современными историками, философами и культурологами. Поэтому вопрос о двухчастной структуре «картины мира» применительно к народам Древнего Дальнего Востока и, в частности, к народам Древнего Индостана остается открытым.

⁵ В связи этим примечательны дискуссии по проблеме создания древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Несмотря на развернувшиеся в первой четверти XX в. споры вокруг авторства поэмы (в частности, М. Винтерниц [30] пытался найти «реального» автора, а Г. Якоби [31] утверждал, что авторов было несколько), отечественные специалисты по древнеиндийскому эпосу (П. А. Гринцер [7], С. Л. Невелева [22]), исходя из весьма большого числа указаний и в самой поэме и вне ее, выяснили, что эпос складывался и долгое время существовал в устной традиции [7, с. 154; 22, с. 14] и не знал автора в прямом смысле слова. А это значит, что «Рамаяна» была предметом коллективной рефлексии древнеиндийского народа природном и социальном универсуме.